

О Т Р Е Д А К Т О Р А

Предлагаемый вниманию читателей том «Трудов Отдела древнерусской литературы» посвящен взаимоотношению литературы и других искусств. Почему редакция Трудов ОДРЛ и Сектор древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР считают эту тему столь важной? Причин тому несколько — и общего и более частного порядка.

В общем аспекте тема эта актуальна потому, что перед советскими гуманитарными науками стоит задача составления истории русской культуры, что невозможно без предварительного изучения взаимоотношения искусств.

До сего времени различные истории русской (и, в частности, древнерусской) культуры строились как собрание кратких очерков по различным видам и разделам культуры. В истории русской культуры обычно вводятся главы по литературе, живописи, архитектуре, музыке, прикладному искусству, религии, философии и т. п. (это — в области «духовной» культуры) и по земледелию, ремеслам, торговле, денежной системе, путям сообщения, военному делу и пр., и пр. (это — в области «материальной» культуры). Попытки выделить во всех этих областях и участках культуры что-то общее и единое были малочисленны и малоплодотворны. Создавались только объединенные единым переплетом краткие истории различных областей культуры: краткие истории литературы, краткие истории искусств, краткие истории ремесел и т. д. Изредка перед этими краткими историями русской культуры, в предисловиях, или после них, в заключениях, давалась общая положительная оценка русской культуры, защита ее от тех, кто сознательно или бессознательно ее принижал.

* * *

Между тем в историософии сложились многочисленные концепции развития мировой культуры еще со времен Вико и до таких крупных философов культуры, как Данилевский, Шпенглер, Тойнби, Хейзинга. . . Отличительная особенность всех историософских систем — поиски (а отчасти и находки) крупных культурных единств и закономерностей их смен. Общий недостаток большинства концепций в том, что культурные единства, создаваемые ими, лишены внутренних противоречий и «взаимопроницаемы». Культуры сменяют друг друга почти без переходных эпох или с переходами, но не понятными в своей сущности и вне законов преемственности.

Поиски единства культурных эпох или культур отдельных стран и национальностей не должны заслонять от исследователей существование отдельных противоречий, борьбу направлений, наличие неравномерностей в развитии отдельных сторон культуры и т. д. Напротив: именно эти противоречия и противостояния составляют самые характерные стороны культуры в классовом обществе.

Обычно поиски единства заслоняют собой факты частичного или полного отсутствия единства. Однако диалектический подход требует учитывать не только единство, не только существование характерных особен-

ностей культуры в их единстве, но и различного рода нарушения культурного единства.

Устанавливая некие типологические единства — будь то «стилистические формации», эстетические направления, «великие стили» (классицизм, барокко, реализм и пр.) или какие-то другие «культурные общности», — мы обязаны обращать особенное внимание не только на борьбу различных тенденций внутри их, но и на переходы от одной культурной общности к другой. Для истории культуры переходные эпохи имеют не меньшее значение, чем стабилизировавшиеся в процессе длительного развития «культурные общности». Приблизительно так поступают великие художники: они изображают не только объекты, но «видят» и те незаполненные пространства, которые создаются между объектами, — промежутки, «пустоты». Создавая историю культуры, мы непременно должны учитывать переходы, эпохи смен, которые, кстати сказать, отнюдь не являются эпохами упадка, снижения, а напротив, очень часто отмечены существованием гениев и обильно представлены великими произведениями искусства, философии, критики и т. д. То, что современники считают «эклехтикой», со временем начинает восприниматься как стиль, как своего рода важная «культурная общность», сохраняющая и передающая предшествующие «культурные накопления» последующим поколениям.

* * *

Большинство научных обобщений основывается на частных наблюдениях и на единичных явлениях. Вот почему содержание настоящего тома Трудов Отдела древнерусской литературы в основном посвящено единичным и частным наблюдениям, демонстрирующим отдельные аспекты связей, существующих между различными искусствами, и в первую очередь, конечно, связи искусства слова с другими видами искусств. Совсем не уделяется внимания отсутствию связей, и это, пожалуй, кажется естественным: нельзя изучать то, чего нет. Но это не совсем так: отсутствие связей может иметь разные аспекты и различные формы. Отсутствие есть тоже форма присутствия, ожидаемого присутствия, во всяком случае, и если его не оказывается, то оно многозначительно. Оно также требует своего исследования, хотя и значительно более сложного.

Древняя русская литература представляет собой множество примеров различного отношения между различными искусствами.

Все искусства в древней Руси тесно объединены. Дифференциация, которая сопутствует развитию культуры и является одной из «констант» этого развития, еще слабо проявлялась в древней русской культуре вплоть до XVII в. Вместе с тем все искусства в той или иной степени подчинены искусству слова — литературе.

Отметим некоторые из тем взаимоотношения искусства слова и других искусств, которые затронуты в настоящем томе на отдельных конкретных примерах. Мы сознательно отдаем предпочтение в настоящем издании конкретным случаям взаимоотношений искусства слова с другими искусствами, ибо, по нашему убеждению, теоретические положения должны вытекать из конкретных исследований, а не наоборот.

В одной из своих работ Андре Грабар затронул принципиально важный вопрос об отражении византийского придворного этикета в живописи.¹ Принципиальность этого вопроса состоит в том, что все средневековое искусство, как известно, в той или иной степени этикетно, а сам этикет в жизни являлся в известной мере явлением искусства (см. ниже статью Н. Ю. Бубнова).

И все же главный предмет изучения в настоящем томе — взаимоотношения искусства слова с живописью. Это не случайно. Живопись

¹ А. Грабар. *L'Empereur dans l'Art byzantin*. Paris, 1936.

восполняет искусство слова, дополняет, по-своему интерпретирует, как и обратно — искусство слова интерпретирует живопись. В средние века живопись (если это не были изображения для поклонения) была прежде всего рассказом. Она передавала невидимое через видимое. Живопись основывалась на произведениях литературы. Сближение живописи с натурой происходит позднее и постепенно. Первоначально же, и в древней Руси особенно, живопись основывалась на словесных произведениях, беря натуру только как образец для изображения литературных сюжетов (сюжетов Священного писания, житий святых, повествовательных произведений, летописей, хроник, физиологов, шестодневов и т. д. и т. п.).

Наиболее часто встречающийся случай взаимоотношений литературного произведения и живописи — это и л л ю с т р и р о в а н и е произведения. Этому на примере Повести о Петре и Февронии Муромских посвящена в дальнейшем содержании тома статья О. А. Белобровой и Р. П. Дмитриевой. Влиянию словесных текстов на иконопись посвящена и статья Л. М. Евсеевой. Здесь исследуется влияние гимнографии на иконопись, связанную с темой Георгия Великомученика. В связи с иллюстрированием словесных произведений встает вопрос об иллюстрировании отвлеченных понятий, церковных догматов, «пророчеств» и «проборазований» псалтыри. Как показывает статья А. В. Чернецова, в миниатюрах может отражаться полемика и оппозиция по отношению к идеям господствующей церкви.

Иллюстрации могут, кроме того, являться свидетельствами о протографе дошедшего до нас текста. Изображения могут оказывать вторичное влияние на текст (см. уже упомянутую статью Н. Ю. Бубнова). Миниатюры могут, наконец, явиться источниками по истории культуры или свидетельствовать об эстетических представлениях своего времени.

Особую тему представляют подписи к иллюстрациям. Близкий к этой теме — вопрос о надписях на свитках, которые держат в руках святые, пророки и праотцы. Эти надписи либо свидетельствуют «вечные» истины, пророчествуют о явлении Христа (статья В. Н. Сергеева «О надписях к изображениям „Еллинских мудрецов“»), либо являются своеобразными «девизами» к основному подвигу святого. Тексты, которые пишутся в клеймах икон «с житием», — также многосторонняя проблема, особенно важная для изучения текстологических вопросов (особенно если житийная икона предшествует древнейшему дошедшему до нас списку жития святого).

Живописные изображения могут свидетельствовать о популярности того или иного литературного сюжета, о его использовании в политических целях (статья Т. Ф. Волковой о сюжете «Сергиева видения» в «Казанской истории»).

Представляет интерес описание тех или иных живописных произведений или памятников искусства, эстетических объектов (как например, драгоценных камней в литературном произведении — см. об этом в статье Л. С. Ковтун).

Особое значение имеет связь словесных произведений и музыкальных. Для древней Руси это особенно важно, поскольку вся «серьезная» музыка древней Руси была певческой, основывалась на текстах (см. статью Н. А. Герасимовой-Персидской «Об отражении Повести о Варлааме и Иоасафе в древнерусской музыке»).

Прямое отношение к литературе имеют теоретические споры об иконописании (статья В. К. Былинина «К вопросу о полемике вокруг русского иконописания во второй половине XVII в.: „Беседа о почитании икон святых“ Симеона Полоцкого»).

Театр уже сам по себе представляет некое сообщество искусств. Особого внимания заслуживает отражение на театре старых сюжетов, позволяющих судить о восприятии и понимании древних произведений в последующее время и в инациональной среде (см. статью Ю. А. Лабынцева

«Об одной белорусско-польской драматической и графической интерпретации XVII в. сюжета о Борисе и Глебе»).

Мы не беремся сейчас перечислить все те сложные взаимоотношения, в которые вступает литература с другими искусствами. Читатель сам обратит на них внимание. Понимание древней русской литературы особенно тесно связано с пониманием других искусств. Не случайно «открытие» древней русской литературы как искусства совершилось в русской литературе после того, как было открыто древнерусское искусство (см. работы Ф. И. Буслаева, А. С. Орлова, И. П. Еремина и др.).

* * *

Взаимоотношениям литературы и искусства уже был в свое время посвящен один из томов Трудов Отдела древнерусской литературы (том XXII, 1966).² Не исключено, что этой же теме в будущем придется посвятить еще не один том, по возможности печатая в них статьи и исследования, посвященные иным аспектам взаимоотношений литературы и других искусств. Такие аспекты трудно предугадать. Развитие нашей науки само покажет, в чем она нуждается.

Д. С. Лихачев

² Вступительная статья к этому тому «Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси» (с. 3—17) в известном смысле может рассматриваться и как вступительная статья к данному тому Трудов ОДРЛ.